

мую, всеобщую и бесконечную истину, осуществляющуюся в многообразии и в конечности действительного мира.

Итак, философия есть *знание абсолютной истины*. Нам известно уже значение слова «истина», но неизвестно еще значение *философского знания*, в чем состоит оно и какая разница между ним и обыкновенным знанием? Вот вопрос, от разрешения которого зависит теперь разрешение нашего главного вопроса, вопроса о сущности философии. Понятие абсолютной истины, определенное нами перед сим, должно руководить нас в предстоящем исследовании; абсолютная истина есть единственный предмет философии, и потому только знание, обнимающее ее, может быть названо философским. Вследствие этого знание случайностей, какого бы рода они ни были, уже само собою исключается из области философского ведения, главный предмет которого есть *всеобщее и необходимое*. Однако ж и *эмпирические науки* также не имеют другого предмета: они также не останавливаются на явлениях, на особенных фактах, но отыскивают в них *всеобщие и необходимые законы и причины* их существования. Какая же разница между ними и философией?

Для пояснения этого вопроса рассмотрим сперва сущность *эмпиризма*. Какое главное основание его? Опыт! *Только то достоверно, что входит в область опытного созерцания человека*, – вот его основное положение; но что же входит в область опыта? То, что дается нам нашим внешним или внутренним созерцанием, – внешние и внутренние впечатления; это – первое. Но непосредственное созерцание не ограничивается впечатлениями; оно группирует их вокруг единичных центров и дает нам множество отдельных предметов, имеющих многообразные качества и расположенных друг подле друга в пространстве и друг за другом во времени; впечатления, данные нам прежде всего чувственным созерцанием, не остаются разрозненными, но собираются вокруг нескольких центров и составляют различные качества различных предметов. Например, я вижу перед собою несколько домов, дорогу, небо и т. д.; если я стану разбирать это созерцание, то увижу, что в нем заключаются две вещи: во-первых, впечатления: желтое, красное, синее и другие – и, во-вторых, собрание всех этих впечатлений вокруг нескольких центров, составляющих друг от друга отдельные и друг для друга внешние предметы: дома, небо, улицы и так далее, качества которых явились мне сначала в форме различных впечатлений. Вследствие этого мы должны различать в чувственном внешнем созерцании две различные деятельности: 1) *восприимчивость*, дающую нам многообразие впечатлений в пространстве и во времени, и 2) *самодетельность* мысли, приводящей многообразное к единству, принимающей различные впечатления как качества единичных, друг от друга отдельных предметов и сознающей взаимное отношение этих предметов. Одним словом, в самом чувственном созерцании, как в созерцании человека, уже является *бессознательная* деятельность мысли (т. е. всеобщего), бессознательная, потому что чувственное созерцание само не сознает ее: обе деятельности в нем одновременны и неразрывно связаны. То же самое происходит и во внутреннем, духовном созерцании человека, в котором весь духовный мир его является ему непосредственно; внутреннее созерцание дает нам также разнообразие внутренних ощущений: гнева, радости, страдания, влечения и т. д. и приведение этого многообразия к единству. Таким образом, знание наше, основанное на непосредственном созерцании, есть сначала представление отдельных и друг от друга различных предметов чувственного и духовного мира; это знание есть необходимая степень в феноменологическом развитии человека и принадлежит равно как *обыкновенному сознанию*, так и эмпиризму; но эмпиризм точно так же, как и обыкновенное сознание, не останавливается на нем: они не останавливаются на равнодушном пребывании предметов друг подле друга и друг за другом, – оба стараются найти деятельное отношение предметов между собою, найти *всеобщее и необходимое* в их многообразии; оба получают содержание и достоверность своего содержания от непосредственного созерцания, от внутреннего или внешнего чувства, и оба стремятся проникнуть его всеобщим, мысляю. Какая же существенная разница между ними? Ее трудно определить, потому что между ними нет характеристической границы, потому что они более или менее друг с другом сливаются и потому что открытия, делаемые эмпиризмом, рано или поздно переходят в область обыкновенного, образованного сознания; оба принадлежат к опытному знанию; деятельности их совершенно одинаковы, и между ними только та разница, что обыкновенное сознание рассуждает без всякой системы, не имеет претензии на научнообразную последовательность и перескакивает от одного рода предметов к другому, в то время как эмпиризм облекает себя в громкое имя науки, старается дать открытиям своим хоть наружный вид необходимой последовательности и подвести их под внешнюю систему¹.

¹ Для того чтобы убедиться в этом, довольно просмотреть «Физику» Щеглова (Щеглов Н.П. Руководство к физике.